

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://zhukovskyvasily.ru/> Приятного чтения!

«Ленора» Г. Бюргера, «Линор» Э. По и баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис, Павел Катенин

Имя «Ленора» стало нарицательным в романтизме. Его использует Пушкин:

Как часто ласковая муза
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа!
Как часто по скалам Кавказа
Она Ленорой, при луне,
Со мной скакала на коне!

– «Евгений Онегин», глава 8, строфа IV

Предания и народные песни, в которых рассказывается о том, как покойник, встав из гроба, пришел за девушкой, любимой им при жизни, известны почти у всех славян и у других народов. Это удивительно широкое распространение одного и того же предания среди народов, разобщенных между собою расстоянием и языками, указывает на глубокую его древность.

Карел Яромир Эрбен – примечание к балладе «Свадебные рубашки».

Готфрид Бюргер Ленора
Немецкая баллада в переводе Вас. Жуковского

Леноре снился страшный сон,
Проснулася в испуге.
«Где милый? Что с ним? Жив ли он?
И верен ли подруге?»
Пошел в чужую он страну
За Фридериком на войну[1];
Никто об нем не слышит;
А сам он к ней не пишет.
С императрицею король
За что-то раздружились,
И кровь лилась, лилась... доколь
Они не помирились.
И оба войска, кончив бой,
С музыкой, песнями, пальбой,
С торжественностью ратной
Пустились в путь обратный.
Идут! идут! за строем строй;
Пылят, гремят, сверкают;
Родные, ближние толпой
Встречать их выбегают;
Там обнял друга нежный друг,
Там сын отца, жену супруг;
Всем радость... а Леноре
Отчаянное горе.
Она обходит ратный строй
И друга вызывает;
Но вести нет ей никакой:
Никто об нем не знает.
Когда же мимо рать прошла –
Она свет божий прокляла,
И громко зарыдала,
И на землю упала.
К Леноре мать бежит с тоской:
«Что так тебя волнует?
Что сделалось, дитя, с тобой?» –
И дочь свою целует.
«О друг мой, друг мой, все прошло!
Мне жизнь не жизнь, а скорбь и зло;
Сам бог врагом Леноре...
О горе мне! о горе!»
«Прости ее, небесный царь!
Родная, помолися;
Он благ, его руки мы тварь:

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Пред ним душой смирился». –
«О друг мой, друг мой, все как сон...
Немилостив со мною он;
Пред ним мой крик был тщетен...
Он глух и безответен».
«Дитя, от жалоб удержишь;
Смири души тревогу;
Пречистых тайн причастись,
Пожертвуй сердцем богу». –
«О друг мой, что во мне кипит,
Того и бог не усмирит;
Ни тайнами, ни жертвой
Не оживится мертвый».
«Но что, когда он сам забыл
Любви святое слово,
И прежней клятве изменил,
И связан клятвой новой?
И ты, и ты об нем забудь;
Не рви тоской напрасной грудь;
Не стоит слез предатель;
Ему судья создатель».
«О друг мой, друг мой, все прошло;
Пропавшее пропало;
Жизнь безотрадную назло
Мне провиденье дало...
Угасни ты, противный свет!
Погибни, жизнь, где друга нет!
Сам бог врагом Леноре...
О горе мне! о горе!»
«Небесный царь, да ей простит
Твое долготерпенье!
Она не знает, что творит:
Ее душа в забвенье.
Дитя, земную скорбь забудь:
Ведет ко благу божий путь;
Смиранным рай награда.
Страшись мучений ада».
«О друг мой, что небесный рай?
Что адское мученье?
С ним вместе – все небесный рай;
С ним розно – все мученье;
Угасни ты, противный свет!
Погибни, жизнь, где друга нет!
С ним розно умерла я
И здесь и там для рая».
Так дерзко, полная тоской,
Душа в ней бунтовала...
Творца на суд она с собой
Безумно вызывала,
Терзалась, волосы рвала
До той поры, как ночь пришла
И темный свод над нами
Усыпался звездами.
И вот... как будто легкий скок
Коня в тиши раздался:
Несется по полю ездов;
Гремя, к крыльцу примчался;
Гремя, взбежал он на крыльцо;
И двери брякнуло кольцо...
В ней жилки задрожали...
Сквозь дверь ей прошептали:
«Скорей! сойди ко мне, мой свет!
Ты ждешь ли друга, спишь ли?
Меня забыла ты иль нет?
Смеешься ли, грустишь ли?» –
«Ах! милый... бог тебя принес!
А я... от горьких, горьких слез
И свет в очах затмился...

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Ты как здесь очутился?»
«Седлаем в полночь мы коней...
Я еду издалёка.
Не медли, друг; сойди скорей;
Путь долог, мало срока». –
«На что спешить, мой милый, нам?
И ветер воет по кустам,
И тьма ночная в поле;
Побудь со мной на воле».
«Что нужды нам до тьмы ночной!
В кустах пусть ветер воет.
Часы бегут; конь борзый мой
Копытом землю роет;
Нельзя нам ждать; сойди, дружок;
Нам долгий путь, нам малый срок;
Не в пору сон и нега:
Сто миль нам до ночлега».
«Но как же конь твой пролетит
Сто миль до утра, милый?
Ты слышишь, колокол гудит:
Одиннадцать пробило». –
«Но месяц встал, он светит нам...
Гладка дорога мертвецам;
Мы скачем, не боимся;
До света мы домчимся».
«Но где же, где твой уголок?
Где наш приют укромный?» –
«Далеко он... пять-шесть досток...
Прохладный, тихий, темный». –
«Есть место мне?» – «Обоим нам.
Поедем! все готово там;
Ждут гости в нашей келье;
Пора на новоселье!»
Она подумала, сошла,
И на коня вспрыгнула,
И друга нежно обняла,
И вся к нему прильнула.
Помчались... конь бежит, летит.
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри вьются,
От камней искры льются.
И мимо их холмы, кусты,
Поля, леса летели;
Под конским топотом мосты
Тряслися и гремели.
«Не страшно ль?» – «Месяц светит нам!» –
«Гладка дорога мертвецам!
Да что же так дрожишь ты?» –
«Зачем о них твердишь ты?»
«Но кто там стонет? Что за звон?
Что ворона взбудило?
По мертвом звон; надгробный стон;
Голосят над могилой».
И виден ход: идут, поют,
На дрогах тяжкий гроб везут,
И голос погребальный,
Как вой совы печальный.
«Заройте гроб в полночный час:
Слезам теперь не место;
За мной! к себе на свадьбу вас
Зову с моей невестой.
За мной, певцы; за мной, пастор[2];
Пропой нам многолетье, хор;
Нам дай на обрученье,
Пастор, благословенье».
И звон утих... и гроб пропал...
Столпился хор проворно
И по дороге побежал

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

За ними тенью черной.
И дале, дале!.. конь летит,
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри вьются,
От камней искры льются.
И сзади, спереди, с боков
Окрестность вся летела:
Поля, холмы, ряды кустов,
Заборы, дома, села.
«Не страшно ль?» – «Месяц светит нам». –
«Гладка дорога мертвецам!
Да что же так дрожишь ты?» –
«О мертвых все твердишь ты!»
Вот у дороги, над столбом,
Где висельник чернеет,
Воздушных рой, свиясь кольцом,
Кружится, пляшет, веет.
«Ко мне, за мной, вы, плясуны!
Вы все на пир приглашены!
Скачу, лечу жениться..
Ко мне! Повеселиться!»
И летом, летом легкий рой
Пустился вслед за ними,
Шумя, как ветер полевой
Меж листьями сухими.
И дале, дале!.. конь летит,
Под ним земля шумит, дрожит,
С дороги вихри вьются,
От камней искры льются.
Вдали, вблизи, со всех сторон
Все мимо их бежало;
И все, как тень, и все, как сон,
Мгновенно пропадало.
«Не страшно ль?» – «Месяц светит нам». –
«Гладка дорога мертвецам!
Да что же так дрожишь ты?» –
«Зачем о них твердишь ты?»
«Мой конь, мой конь, песок бежит;
Я чую, ночь свежее;
Мой конь, мой конь, петух кричит;
Мой конь, несись быстрее..
Окончен путь; исполнен срок;
Наш близко, близко уголок;
В минуту мы у места..
Приехали, невеста!»
К воротам конь во весь опор
Примчавшись, стал и топнул;
Ездок бичом стегнул затвор –
Затвор со стуком лопнул;
Они кладбище видят там..
Конь быстро мчится по гробам;
Лучи луны сияют,
Кругом кресты мелькают.
И что ж, Ленора, что потом?
О страх!.. в одно мгновенье
Кусок одежды за куском
Слетел с него, как тленье;
И нет уж кожи на костях;
Безглазый череп на плечах;
Нет каски, нет колета[3];
Она в руках скелета.
Конь прынул... пламя из ноздрей
Волною побежало;
И вдруг... все пылью перед ней
Расшиблось и пропало.
И вой и стон на вышине;
И крик в подземной глубине,
Лежит Ленора в страхе

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Полмертвая на прахе.
И в блеске месячных лучей,
Рука с рукой, летает,
Виясь над ней, толпа теней
И так ей припевает:
«Терпи, терпи, хоть ноет грудь;
Творцу в бедах покорна будь;
Твой труп сойди в могилу!
А душу бог помилуй!»

1831 г.

Перевод: Василий Жуковский
Готфрид Бюргер Ленора
Немецкая баллада в переводе В. Левика

Леноре снились смерть и кровь,
Проснулась в тяжком страхе.
«Где ты, Вильгельм? Забыл любовь
Иль спишь в кровавом прахе?»[4]
Он с войском Фридриха весной
Ушел под Прагу[5] в смертный бой
И ни единой вести
Не шлет своей невесте.
Монархи вражеских держав,
Устав от долгой ссоры,
Смирили гнев и гордый нрав,
И мир пресек раздоры.
И, зыбля рдяный шелк знамен,
Под пенье, гул, и гром, и звон
Войска, весельем пьяны,
Идут в родные страны.
И вот спешат и стар и млад
На стены, на заставы –
Встречать ликующих солдат,
Любимцев бранной славы.
Здесь муж вернулся, наконец,
Там встречен радостно отец, –
Ах, для одной Леноры
Ничьи не светят взоры!
Она идет, бежит, зовет,
Глядит в глаза героям.
Но кто ж ведет убитым счет
Пред лютым вражьим строем?
Ушли! Теперь ты веришь сну?
И, разметав волос волну,
Она в смятенье диком
На землю пала с криком.
И к ней бежит в испуге мать,
Приникла к ней, рыдая.
«Над нами божья благодать,
Не плачь, не плачь, родная!»
«О мать, о мать, Вильгельма нет,
Постыл, постыл мне божий свет,
Не внял господь Леноре.
О, горе мне, о, горе!»
«Господь, господь! спаси
Дитя от искушенья!
Господь, ты благ на небеси,
Прости ей прегрешенья!»
«О мать, о мать, всему конец,
Не знает милости творец!
Не помогли молитвы,
Он пал на поле битвы».
«Господь – оплот наш и покров,
Мы все – его созданья.
Вкуси, дитя, святых даров,
Да утолишь страданья!»
«О мать, я не пойду во храм,
Не прикоснусь к святым дарам,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Дары Христа бессильны
Нарушить сон могильный».
«Но если в Венгрии, дитя,
Забыв страну родную,
От веры душу отвратя,
Он в жены взял другую, –
Дитя, тогда забудь о нем,
Ему добра не будет в том:
Душе за грех измены
Не избежать геенны».
«О мать, постыл мне белый свет,
Я брошена в пустыне,
Он смерть оставил мне в завет,
На что мне жизнь отныне!
Померкни, солнце, не свети,
Дай мне во тьму и скорбь уйти!
Навек, навек могила добычу поглотила!»
«Господь, господь! Не будь суров
К твоей рабе несчастной;
Она твоих не слышит слов,
Прости ей гнев напрасный!
Дитя, смири молитвой плоть,
Душе отверзнет рай господь,
К ней в радостные кущи
Придет жених грядущий».
«О мать, на что мне светлый рай,
Что для меня геенна!
Где мой Вильгельм – там светлый рай,
Где нет его – геенна[6].
Померкни, солнце, не свети,
Дай мне во тьму и скорбь уйти,
Не принесут забвенья
Мне райские селенья».
И долго бушевала страсть,
Туманя ум смятенный.
Она кляла святую власть
Создателя вселенной,
Ломала пальцы, грудь рвала,
Но вот сошла ночная мгла,
И выплыли в просторы
Ночных созвездий хоры.
И вдруг, и вдруг, тук-тук, тук-тук!
Донесся топот гулкий.
И будто всадник спрыгнул вдруг
В притихшем переулке.
И тихо, страшно, дзин-дзин-дзин,
У входа звякнул ржавый клин,
И хрипло крикнул кто-то
В закрытые ворота:
«Открой, открой! Иль спать легла,
Иль ждатель не стало мочи?
Как встарь, красотка весела
Иль выплакала очи?»
«Вильгельм! В какой ты поздний час!
От слез я не смыкала глаз,
Кляла я свет постылый,
Откуда ты, мой милый?»
«Мы только к полночи встаем,
Мой конь летел стрелою.
Мой новый дом в краю чужом,
Я прибыл за тобою».
«Вильгельм, войди, желанный мой,
Свистит и воет ветер злой,
Так далека дорога!
Согрейся хоть немного!»
«Пусть ветер воет и свистит,
Пусть плачет над полями, –
Мой конь косится и храпит,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Мне места нет меж вами!
Садись, садись же, наконец!
Храпит, храпит мой жеребец,
Сто миль скакать с тобою
Нам к брачному покою».
«Сто миль! А в поле так темно!
Сто миль скакать к постели!
Часы одиннадцать давно
На башне прогудели».
«Живей! Луна встает из тьмы.
Домчимся раньше мертвых мы.
Дорога мне знакома,
Мы скоро будем дома».
«А домик твой красив, высок?
Постелька нам готова?»
«Темь, холодок да семь досок,
Одна доска для кровя».
«Не тесно в нем?» – «Вдвоем – войдем.
живей, живей! Открыт мой дом,
Невесту ждем, и вскоре
Все гости будут в сборе».
Красотка – прыг! и, в чем была,
На круп коня порхнула,
И мила друга обняла,
К желанному прильнула.
И свистнул бич, и, гоп-гоп-гоп,
Уже гремит лихой галоп.
И конь, как буря, дышит,
Вкруг дым и пламень пышет
И справа, слева, сквозь кусты,
Гей, гоп! неуловимо
Летят луга, поля, мосты,
Гремя, несутся мимо.
«Луна ярка, не бойся тьмы,
Домчимся раньше мертвых мы.
Красотка, любишь мертвых?» –
«Зачем ты вспомнил мертвых?»
Но что за стон? Откуда звон?
Как воронье взлетело!
Надгробный звон! Прощальный стон:
«Зароем в землю тело».
И хор идет, угрюм и строг,
И гроб на паре черных дрог,
Но песня та сошла бы
За крик болотной жабы.
«Заройте после прах немой
Под звон и стон прощальный!
Спешу с женой к себе домой
Свершить обряд венчальный!
За мной, друзья! Оставьте гроб!
Ступай благословлять нас, поп!
Пой, дьякон, что есть мочи
В честь нашей первой ночи!»
Смолк звон и стон, и гроба нет –
Лишь ветра свист и ропот,
И, точно гром, за ними вслед
Понесся гулкий топот.
И громче, громче, гоп-гоп-гоп,
Гремит неистовый галоп,
И конь, как буря, дышит,
Вкруг дым и пламень пышет.
Летят деревни и сады,
Летят дома, соборы,
Равнины, реки и пруды,
Леса, долины, горы.
«Дрожишь, дитя? Не бойся тьмы,
Уже догнали мертвых мы!
Красотка, любишь мертвых?» –

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

«Зачем ты все о мертвых?»
«Взгляни, взгляни: вздымая прах,
Столбами пыль взметая,
Кружит меж виселиц и плах
Полночных духов стая.
Эй, нечисть! Эй! Сюда, за мной!
За мной и за моей женой
К великому веселью
Над брачную постелью!»
И сброд нечистый, хуш-хуш-хуш,
Вослед помчался с треском.
Так ветер злобный в жар и сушь
Свистит по перелескам.
И громче, громче, гоп-гоп-гоп,
Гремит неистовый галоп,
И конь, как буря, дышит,
Вкруг дым и пламень пышет.
Как скачет все в лучах луны,
Как дико скачут дали!
И небеса, увлечены,
Вдогонку заплясали.
«Дрожишь, дитя? Не бойся тьмы!
Домчались раньше мертвых мы!
Красотка, любишь мертвых?» –
«О, боже, что мне в мертвых!»
«Гоп-гоп! Уже истек мой срок.
Кричит петух к восходу.
Гоп-гоп! Порозовел восток.
Мой конь, прибавим ходу!
Близка назначенная цель,
Прими нас, брачная постель!
Не страшны мертвым дали,
Мы быстро прискакали».
И конь, заслышав грозный крик,
Взметнулся в беге яром,
И хлыст ворота в тот же миг
Разнес одним ударом.
Слетел затвор, гремит скоба,
Под бегуном гудят гроба,
И, месяцем облиты,
Мерцают смутно плиты.
Взгляни, взгляни: гремя, звеня,
Хо-хо! свершилось чудо!
Где всадник был, теперь с коня
Ползет гнилая груда,
И лишь скелет верхом на нем,
Скелет с часами и серпом,
Безглазый и безгубый,
Сидит и скалит зубы.
Храпя, поднялся дыбом конь,
И дико морду вскинул,
И с хохотом в провал, в огонь,
Об землю грянув, сгинул.
И вой раздался в тучах, вой
И визг из пропасти глухой,
И, с жизнью в лютом споре,
Приникла смерть к Леноре...
А духи гор, долин и вод
Кружились рой за роем,
Сплетались в мерный хоровод
И выли скорбным воем:
«Терпи! Пусть горестен твой век,
Смирись пред богом, человек!
Прах будет взят могилой,
А душу бог помилуй!»

1831

Перевод: Вильгельм Левик (опубликовано в 1977 г.)
Василий Жуковский Людмила

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис
Русская баллада

«Где ты, милый? Что с тобою?
С чужеземною красою,
Знать, в далекой стороне
Изменил, неверный, мне;
Иль безвременно могила
Светлый взор твой угасила».
Так Людмила, приуныв,
К персям очи преклонив,
На распутии вздыхала.
«Возвратится ль он, – мечтала, –
Из далеких, чуждых стран
С грозной ратию славян?»
Пыль туманит отдаленье;
Светит ратных ополченье;
Топот, ржание коней;
Трубный треск и стук мечей;
Прахом панцири покрыты;
Шлемы лаврами обвиты;
Близко, близко ратных строй;
Мчатся шумною толпой
Жены, чада, обрученны..
«Возвратились незабвенны!..»
А Людмила?.. Ждет-пождет..
«Там дружину он ведет;
Сладкий час – соединенье!..»
Вот проходит ополченье;
Миновался ратных строй..
Где ж, Людмила, твой герой?
Где твоя, Людмила, радость?
Ах! прости, надежда-сладость!
Все погибло: друга нет.
Тихо в терем свой идет,
Томну голову склонила:
«Расступись, моя могила;
Гроб, откройся; полно жить;
Дважды сердцу не любить».
«Что с тобой, моя Людмила? –
Мать со страхом возопила. –
О, спокой тебя творец!» –
«Милый друг, всему конец;
Что прошло – невозвратимо;
Небо к нам неумолимо;
Царь небесный нас забыл..
Мне ль он счастья не сулил?
Где ж обетов исполненье?
Где святое провиденье?
Нет, немилостив творец;
Все прости; всему конец».
«О Людмила, грех роптанье;
Скорбь – создателя посланье;
Зла создатель не творит;
Мертвых стон не воскресит».. –
«Ах! родная, миновалось!
Сердце верить отказалось!
Я ль, с надеждой и мольбой,
Пред иконою святой
Не точила слез ручьями?
Нет, бесплодными мольбами
Не призвать минувших дней;
Не цвести душе моей.
Рано жизнью насладилась,
Рано жизнь моя затмилась,
Рано прежних лет краса.
Что взирать на небеса?
Что молить неумолимых?
Возвращу ль невозвратимых?» –

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

«Царь небес, то скорби глас!
Дочь, вспомни смертный час;
Кратко жизни сей страданье;
Рай – смиренным воздаянье,
Ад – бунтующим сердцам;
Будь послушна небесам».
«Что, родная, муки ада?
Что небесная награда?
С милым вместе – всюду рай;
С милым розно – райский край
Безотрадная обитель.
Нет, забыл меня спаситель!» –
Так Людмила жизнь кляла,
Так творца на суд звала...
Вот уж солнце за горами;
Вот усыпала звездами
Ночь спокойный свод небес;
Мрачен дол, и мрачен лес.
Вот и месяц величавый
Встал над тихою дубравой:
То из облака блеснет,
То за облако зайдет;
С гор простерты длинны тени;
И лесов дремучих сени,
И зеркало зыбких вод,
И небес далекий свод
В светлый сумрак облечены...
Спят пригорки отдаленны,
Бор заснул, долина спит...
Чу!.. полночный час звучит.
Потряслись дубов вершины;
Вот повеял от долины
Перелетный ветерок...
Скачет по полю ездок:
Борзый конь и ржет и пышет.
Вдруг... идут... (Людмила слышит)
На чугунное крыльцо...
Тихо брякнуло кольцо...
Тихим шепотом сказали...
(Все в ней жилки задрожали.)
То знакомый голос был,
То ей милый говорил:
«Спит иль нет моя Людмила?
Помнит друга иль забыла?
Весела иль слезы льет?
Встань, жених тебя зовет».–
«Ты ль? Откуда в час полночи?
Ах! едва прискорбны очи
Не потухнули от слез.
Знать, тронулся царь небес
Бедной девицы тоскою?
Точно ль милый предо мною?
Где же был? Какой судьбой
Ты опять в стране родной?»
«Близ Наревы[7] дом мой тесный.
Только месяц поднебесный
Над долиною взойдет,
Лишь полночный час пробьет –
Мы коней своих седлаем,
Темны кельи покидаем.
Поздно я пустился в путь.
Ты моя; мою будь...
Чу! совы пустынной крики.
Слышишь? Пенье, брачны лики.
Слышишь? Борзый конь заржал.
Едем, едем, час настал».
«Переждем хоть время ночи;
Ветер встал от полуночи;

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Хладно в поле, бор шумит;
Месяц тучами закрыт». –
«Ветер буйный перестанет;
Стихнет бор, луна проглянет;
Едем, нам сто верст езды.
Слышишь? Конь грызет бразды,
Бьет копытом с нетерпенья.
Миг нам страшен замедленья;
Краткий, краткий дан мне срок;
Едем, едем, путь далек».
«Ночь давно ли наступила?
Полночь только что пробила.
Слышишь? Колокол гудит». –
«Ветер стихнул; бор молчит;
Месяц в водный ток глядится;
Мигом борзый конь домчится». –
«Где ж, скажи, твой тесный дом?» –
«Там, в Литве, краю чужом:
Хладен, тих, уединенный,
Свежим дерном покровенный;
Саван, крест, и шесть досток.
Едем, едем, путь далек».
Мчатся всадник и Людмила.
Робко дева обхватила
Друга нежною рукой,
Прислонясь к нему главою.
Скоком, летом по долинам,
По буграм и по равнинам;
Пышет конь, земля дрожит;
Брызжут искры от копыт;
Пыль катится вслед клубами;
Скачут мимо них рядами
Рвы, поля, бугры, кусты;
С громом зыблются мосты.
«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» –
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба». –
«Чу! в лесу потрясся лист.
Чу! в глуши раздался свист.
Черный ворон встрепенулся;
Вздвогнул конь и отшатнулся;
Вспыхнул в поле огонек».
«Близко ль, милый?» – «Путь далек».
Слышат шорох тихих теней:
В час полуночных видений,
В дыме облака, толпой,
Прах оставя гробовой
С поздним месяца восходом,
Легким, светлым хороводом
В цепь воздушную свились;
Вот за ними понеслись;
Вот поют воздушны лики:
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок;
Будто плещет ручеек.
«Светит месяц, дол сребрится;
Мертвый с девицею мчится;
Путь их к келье гробовой.
Страшно ль, девица, со мной?» –
«Что до мертвых? что до гроба?
Мертвых дом земли утроба». –
«Конь, мой конь, бежит песок;
Чую ранний ветерок;
Конь, мой конь, быстрее мчися;
Звезды утренни зажглися,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Месяц в облаке потух.
Конь, мой конь, кричит петух».
«Близко ль, милый?» – «Вот примчались».
Слышат: сосны зашатались;
Слышат: спал с ворот запор;
Борзый конь стрелой на двор.
Что же, что в очах Людмилы?
Камней ряд, кресты, могилы,
И среди них божий храм.
Конь несется по гробам;
Стены звонкий вторят топот;
И в траве чуть слышный шепот,
Как усопших тихий глас...
Вот денница занялась.
Что же чудится Людмиле?..
К свежей конь примчась могиле
Бух в нее и с седоком.
Вдруг – глухой подземный гром;
Страшно доски затрещали;
Кости в кости застучали;
Пыль взвилася; обруч хлоп;
Тихо, тихо вскрылся гроб...
Что же, что в очах Людмилы?..
Ах, невеста, где твой милый?
Где венчальный твой венец?
Дом твой – гроб; жених – мертвец.
Видит труп оцепенелый;
Прям, недвижим, посинелый,
Длинным саваном обвит.
Страшен милый прежде вид;
Впалы мертвые ланиты[8];
Мутен взор полуоткрытый;
Руки сложены крестом.
Вдруг привстал... манит перстом...
«Кончен путь: ко мне, Людмила;
Нам постель – темна могила;
Завес – саван гробовой;
Сладко спать в земле сырой».
Что ж Людмила?.. Каменеет,
Меркнут очи, кровь хладеет,
Пала мертвая на прах.
Стон и вопли в облаках;
Визг и скрежет под землю;
Вдруг усопшие толпою
Потянулись из могил;
Тихий, страшный хор завыл:
«Смертных ропот безрассуден;
Царь всевышний правосуден;
Твой услышал стон творец;
Час твой бил, настал конец».
1808 г.

Василий Жуковский Светлана
А. А. Воейковой[9]

Русская баллада

Раз в крещенский вечерок[10]
Девушки гадали:
За ворота башмачок,
Сняв с ноги, бросали;
Снег пололи; под окном
Слушали; кормили
Счетным курицу зерном;
Ярый воск топили;
В чашу с чистою водой
Клали перстень золотой,
Серьги изумрудны;

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Расстлала белый плат
И над чашей пели в лад
Песенки подблюдны.
Тускло светится луна
В сумраке тумана –
Молчалива и грустна
Милая Светлана.
«Что, подруженька, с тобой?
Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо золотое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом наложье» [11].
«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далеко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался – вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?
Где твоя обитель?
Я молюсь и слезы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».
Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркале стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадет с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».
Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Тёмно в зеркале; кругом
Мертвое молчанье;
Свечка трепетным огнем
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонек,
Крикнул жалобно сверчок.
Вестник полуночи.
Подпершись локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком
Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
За ее плечами
Кто-то, чудилось, блестит
Яркими глазами...
Занялся от страха дух...

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Вдруг в нее влетает слух
Тихий, легкий шепот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
Твой услышан ропот!»
Оглянулась... милый к ней
Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждет
С дьяконом, дьячками;
Хор венчальную песнь поет;
Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
Повода шелковы.
Сели... кони с места враз;
Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
Вьюга над санями.
Скачут... пусто все вокруг,
Степь в очах Светланы:
На луне туманный круг;
Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:
«Что ты смолкнул, милый?»
Ни полслова ей в ответ:
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.
Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил[12]
Тускнет в фимиаме;
На середине черный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.
Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Черный вран, свистя крылом,
Вьется над санями;
Ворон каркает: печаль!
Кони торопливы
Чутко смотрят в темну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонек;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.
Вот примчались... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Вкруг метель и вьюга.
Возвратиться – следу нет...
Виден ей в избушке свет:
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрипит...
Тихо растворилась.
Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной[13];
Спасов лик в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.
Все утихло... вьюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольет дрожащий свет,
То опять затмится...
Все в глубоком, мертвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине
Легкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.
Смолкло все опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мертвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь – на лбу венец,
Затворены очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладели...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.
Встрепенулся, развернул
Легкие он крылы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишенный силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...
Глядь, Светлана... о творец!
Милый друг ее – мертвец!
Ах!.. и пробудилась.
Где ж?.. У зеркала, одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы[14];
Шумным бьет крылом петух,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

День встречая пенем;
Все блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он –
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»
Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони рьяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идет.
Кто?.. Жених Светланы.
Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; все тот же он
В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
Милы разговоры.
Отворяйся ж, божий храм;
Вы летите к небесам,
Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
Пойте: многи леты!
Улыбнись, моя краса,
На мою балладу;
В ней большие чудеса,
Очень мало складу.
Взором счастливым твоим,
Не хочу и славы;
Слава – нас учили – дым;
Свет – судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
Вера в провиденье.
Благ зиждителя[15] закон:
Здесь несчастье – лживый сон;
Счастье – пробужденье».
О! не знай сих страшных снов
Ты, моя Светлана...
Будь, создатель, ей покров!
Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
К ней да не коснется;
В ней душа как ясный день;
Ах! да пронесется
Мимо – Бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь ее светла,
Будь веселость, как была,
Дней ее подруга.
1812 г.
Павел Катенин Ольга
Русская баллада

Ольгу сон встревожил слезный,
Смутный ряд мечтаний злых:
«Изменил ли, друг любезный?
Или нет тебя в живых?»
Войск деля Петровых славу,
С ним ушел он под Полтаву[16];
И не пишет ни двух слов:
Всё ли жив он и здоров.
На сраженьи пали шведы,
Турк без брани побежден,
И, желанный плод победы,
Мир России возвращен;
И на родину с венками,
С песнями, с бубнами, с трубами,
Рать, под звон колоколов,
Шла почить от всех трудов.
И везде толпа народа;
Старый, малый – все бегут
Посмотреть, как из похода
Победители идут;
Все навстречу, на дорогу;
Кличут: «Здравствуй! слава богу!»
Ах! на Ольгин лишь привет
Ниотколь ответа нет.
Ищет, спрашивает; худо:
Слух пропал о нем давно;
Жив ли, нет – не знают; чудо!
Словно канул он на дно.
Тут, залившись слезами,
В перси бьет себя руками;
Рвет, припав к сырой земле,
Черны кудри на челе.
Мать к ней кинулась поспешно:
«Что ты? что с тобой, мой свет?
Разве горе неутешно?
С нами бога разве нет?»
– «Ах! родима, все пропало;
Свету-радости не стало.
Бог меня обидел сам:
Горе, горе бедным нам!»
– «Воля божия! Создатель –
Нам помощник ко всему;
Он утех и благ податель:
Помолись, мой свет, ему».
– «Ах! родима, все пустое;
Бог послал мне горе злое,
Бог без жалости к мольбам:
Горе, горе бедным нам!»
– «Слушай, дочь! в Украине дальней,
Может быть, жених уж твой
Обошел налой венчальный
С красной девицей иной.
Что изменника утрата?
Рано ль, поздно ль – будет плата,
И от божьего суда
Не уйдет он никогда».
– «Ах! родима, все пропало,
Нет надежды, нет как нет;
Свету-радости не стало;
Что одной мне белый свет?
Хуже гроба, хуже ада.
Смерть – одна, одна отрада;
Бог без жалости к слезам:
Горе, горе, бедным нам!»
– «Господи! прости несчастной,
В суд с безумной не входи;
Разум, слову непричастный,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

К покаянью приведи.
Не крушися, дочь, чрез меру;
Бойся муки, вспомни веру:
Сыщет чуждая греха
Неземного жениха».
– «Где ж родима, злее мука?
Или где мученью край?
Ад мне – с суженым разлука,
Вместе с ним – мне всюду рай.
Не боюсь смертей, ни ада.
Смерть – одна, одна отрада:
С милым врозь несносен свет,
Здесь, ни там блаженства нет».
Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Черны волосы рвала;
И стемнело небо ясно,
Закатилось солнце красно,
Все к покою улеглись,
Звезды яркие зажглись.
И девица горько плачет,
Слезы градом по лицу;
И вдруг полем кто-то скачет,
Кто-то, всадник, слез к крыльцу;
Чу! за дверью зашумело,
Чу! кольцо в ней зазвенело;
И знакомый голос вдруг
Кличет Ольгу: «Встань, мой друг!
Отвори скорей без шуму.
Спишь ли, милая, во тьме?
Слезну думаешь ли думу?
Смех иль горе на уме?»
– «Милый! ты! так поздно к ночи!
Я все выплакала очи
По тебе от горьких слез.
Как тебя к нам бог принес?»
– «Мы лишь ночью скачем в поле.
Я с Украины за тобой;
Поздно выехал оттоле,
Чтобы взять тебя с собой».
– «Ах! войди, мой ненаглядный!
В поле свищет ветер хладный;
Здесь в объятиях моих
Обогрейся, мой жених!»
– «Пусть он свищет, пусть колышет;
Ветру воля, нам пора.
Ворон конь мой к бегу пышет,
Мне нельзя здесь ждать утра.
Встань, ступай, садись со мною,
Ворон конь домчит стрелюю;
Нам сто верст еще: пора
В путь до брачного одра».
– «А! какая в ночь дорога!
И сто верст езды для нас!
Бьют часы... побойся бога:
До полночи только час».
– «Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро:
Довезу и до утра
Вплоть до брачного одра».
– «Как живешь? скажи нелестно;
Что твой дом? велик? высок?»
– «Дом – землянка». – «Как в ней?» – «Тесно».
– «А кровать нам?» – «Шесть досок».
– «В ней уляжется ль невеста?»
– «Нам двоим довольно места.
Встань, ступай, садись со мной:

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Гости ждут меня с женой».
Ольга встала, вышла, села
На коня за женихом;
Обвила ему вокруг тела
Руки белые кольцом.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.
Справа, слева, сторонами,
Мимо глаз их взад летят
Сушь и воды; под ногами
Конскими мосты гремят.
«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»
– «Нет... что мертвых поминать?»
Что за звуки? что за пенье?
Что за вранов крик во мгле?
Звон печальный! погребенье!
«Тело предаем земле».
Ближе, видят: поп с собором,
Гроб неся, поют всем хором;
Поступь медленна, тяжка,
Песнь нескладна и дика.
«Что вы воете не к месту?
Хоронить придет чреда;
Я к венцу везу невесту,
Вслед за мною все туда!
У моей кровати спальной,
Клир! [17] пропой мне стих венчальный;
Службу, поп! и ты яви,
Нас ко сну благослови».
Смолкли, гроба как не стало.
Всё послушно вдруг словам,
И поспешно побежало
Всё за ними по следам.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ, как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.
Справа, слева, сторонами,
Горы, доли и поля –
Взад летит всё; под ногами
Конскими бежит земля;
«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»
– «Полно мертвых поминать».
Казни столп; над ним за тучей
Брезжит трепетно луна;
Чьей-то сволочи летучей
Пляска вокруг его видна.
«Кто там! сволочь! вся за мною!
Вслед бегите все толпою,
Чтоб под пляску вашу мне
Веселей прилечь к жене».
Сволочь с песнею заунывной
Понеслась за седоком,
Словно вихорь бы порывный
Зашумел в бору сыром.
Мчатся всадник и девица,
Как стрела, как пращ [18], как птица;
Конь бежит, земля дрожит,
Искры бьют из-под копыт.
Справа, слева, сторонами,
Взад летят луга, леса;
Всё мелькает пред глазами:

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Звезды, тучи, небеса.
«Месяц светит, ехать споро;
Я как мертвый еду скоро.
Страшно ль, светик, с мертвым спать?»
– «Ах! что мертвых поминать!»
– «Конь мой! петухи пропели;
Чур! заря чтоб не взошла;
Гор вершины забелели:
Мчись как из лука стрела.
Кончен, кончен путь наш дальный,
Уготовлен одр венчальный;
Скоро съездил как мертвец,
И доехал наконец».
Наскакал в стремленьи яром
Конь на каменный забор;
С двери вдруг хлыста ударом
Спали петли и запор.
Конь в ограду; там – кладбище,
Мертвых вечное жилище;
Светят камни на гробах
В бледных месяца лучах.
Что же мигом пред собою
Видит Ольга? Чудо! страх!
Латы всадника золою
Все рассыпались на прах;
Голова, взгляд, руки, тело –
Все на милом помертвело,
И стоит уж он с косою,
Страшный остов костяной.
На дыбы конь ворон взвился,
Диким голосом заржал,
Стукнул в землю, провалился
И невесть куда пропал.
Вой на воздухе высоко;
Скрежет под землей глубоко;
Ольга в страхе без ума,
Неподвижна и нема.
Тут над мертвой заплясали
Адски духи при луне,
И протяжно припевали
Ей в воздушной вышине:
«С богом в суд неиди крамольно;
Скорбь терпи, хоть сердцу больно.
Казнена ты во плоти;
Грешну душу бог прости!»
1816 г.

Павел Катенин Наташа
Русская баллада

Ах! жила-была Наташа,
Свет Наташа-красота.
Что так рано, радость наша,
Ты исчезла как мечта?
Где уста, как мёд душистый,
Бела грудь, как снег пушистый,
Рдяны щёки, маков цвет?
Всё не впрок: Наташи нет.
У неё один сердечный
Милый друг был на земли;
Скоро с ним в любви беспечной
Дни счастливые текли.
Длился, длился, дорогое
Время краткое, златое!
Счастье жизни человек
Вкусит раз лишь в целый век.
Вдруг поднялся враг войною
Русь заграбить и зажечь;

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Всюду льётся кровь рекою,
Всюду блещет огонь и меч.
Нивы стоптанны пропали,
Грады, веси запылали,
И Наташа со дружкой
Часто грустны вечерком.
Прежних радостей не стало,
Молча вкралась к ним печаль,
Что-то в мысль обоим впало,
И, кажись, друг друга жаль.
Наконец сквозь слёз унылый
Взведши взгляд, собравшись с силой,
Исповедала тоску
Красна девица дружку:
«Не моё девичье дело,
Милый друг, тебя учить;
Не прогневайся, что смело,
Может, стану говорить;
Но прости мне укоризну:
Не сражаться за отчизну,
Одному отстать от всех –
В русских людях стыд и грех».
«Ах! Наташа, ретивое[19]
Уж давно кипит во мне:
Всё тебя жалел, но вдвое
Рад, что мысли в нас одне.
Ты согласна, слава Богу!
Эй! ребята, в путь-дорогу
Дайте мне ружьё, коня:
В бой их станет для меня.
Не рыдай, моя Наташа,
Как же быть? не ты одна;
Хоть горька разлуки чаша,
Выпивай её до дна;
И о чём такое горе?
Бог помилует, и вскоре,
Голос сердца коль не лжив,
Ворочусь здоров и жив».
«Дал бы Бог! но если боле
Нам не видеться в живых,
Если там, на ратном поле,
Сопостат рукою злых
Ты умрёшь!..» – «Всё в Божьей воле.
Не гневи ж его дотолё;
Верь, хоть мёртвый, хоть живой,
Не расстанусь я с тобой».
«На, мой друг, вот крест с мощами:
Положи его на грудь,
И как в бой пойдёшь с врагами,
Помолиться не забудь;
Я...» – В ней замер дух и слово,
Но к отъезду всё готово,
Конь стоит среди двора,
Ехать милому пора.
На коня взлетел стрелою,
Поскакал в воинский стан;
Рано ль, поздно ль, там он... к бою
Всем приказ на завтра дан.
Ждёт гостей незваных встреча,
Многих смертная ждёт сеча:
Не сносить им головы,
Не видать святой Москвы.
Именинница Наташа!
В день твой, в день Бородина,
За здоровье друга чаша
Налита тобой вина.
И о нём пируют гости;
А его в тот час уж кости

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

На ближайшем там селе
Преданы сырой земле,
И дошло известье злое,
И не ропщет сирота:
Свято небо ей благое,
Воля Божия свята.
Не пила три дни, не ела,
Как больная исхудела;
Нет покоя ей, ни сна,
И как мёртвая бледна.
На колени пала с стоном
Пред иконою святой;
С земным молится поклоном:
«Со святыми упокой».
Чуть живую подхватили,
Тут же к стенке посадили,
И усталым, слабым сном
Свет вздремала под окном.
Спит и видит: сердцу милый
Стал пред ней как бы живой,
С новой бодростью и силой,
С новой, чудной красотой;
Будит: «Встань, проснись, Наташа!
Ждёт давно нас свадьба наша;
Под венец скорей пойдём,
Вместе век свой заживём.
Нашу призрел Бог разлуку,
Веру райский ждёт покой;
Жениху дай, радость, руку,
Помолись, и в путь за мной».
Тут Наташа помолилась,
Тут во сне перекрестилась:
Как сидела, как спала,
К жизни с милым умерла.
1814 г.
Карел Яромир Эрбен Свадебные рубашки
Чешская баллада

Пробил одиннадцатый час,
а свет лампы все не гас,
и теплилась лампада
у бедного оклада.
На стенке низкой горницы
был образ богородицы,
с младенцем предреченным,
как розы цвет с бутоном.
Пред образом, что светится,
колени клонит девица:
вздыхает грудь встревоженно,
на персях руки сложены;
из глаз слезинки катятся,
бегут на бело платье;
одна еще не высохла,
глядишь – другая вытекла.
«О, боже! Где родитель мой?
Могильный холм порос травой!
О, господи! Где матушка?
В могиле рядом с батюшкой!
Сестрица года не жила,
а братца пуля подсекла».
«Любимый мой меня любил,
дороже жизни мне он был –
уехал на чужбину,
навек меня покинул».
Как в край далекий уезжал –
меня ласкал да утешал:
«Засей, любимая, ленок,
да помни каждый наш денек;

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

ты пряжу в первый год пряди,
а во второй холсты бели,
на третий год рубашки шей:
рубашек свадебных нашьешь,
венки из руты нам совьешь» [20].
Рубашки я готовые
в сундук сложила новые,
уже веночек мой завял,
а милый где-то запропал,
пропал он в стороне чужой,
как камень в глубине морской.
Давно и слух о нем заглох,
здоров ли, жив ли – знает бог!
«Мария непорочная,
будь мне защитой прочною:
верни с чужбины милого,
любимого, единого;
с чужбины милого верни –
а нет, так жизнь мою возьми;
с ним жизнь моя весенний цвет,
а без него не мил мне свет,
Мария милосердная,
утешь мне сердце бедное!»
Икона с места сдвинулась –
девица в страхе вскинулась:
лампады огонек мигнул,
погас и в мраке потонул.
То ветер ли по пламени,
зловещее ли знаменье!
Послышались шаги – и вдруг
в стекло оконца: стук, стук, стук!
«Ты спишь ли, милая, иль нет?
То я забрел к тебе на свет!
Что делаешь ты полночью?
Меня ты крепко помнишь ли?
С другим любви не водишь ли?»
«Ах, милый мой! Господь с тобой!
Все годы я томлюсь тоской,
с тобой все годы мысль моя,
сейчас молилась за тебя!»
«Молиться – зря! Вставай, пойдем,
пойдем со мной моим путем;
дорогой мне известною –
пришел я за невестою».
«О боже! Странен голос твой!
Куда ж итти ночной порой?
Бушует ветер, долог путь,
тебе не лучше ль отдохнуть?»
«Мне день, что ночь и ночь, как день,
при свете застит очи тень;
скорей чем крикнуть петухам
с тобой венчаться надо нам.
Не медли, встань, идем со мной,
ты нынче станешь мне женой».
Был час глухой, полночный час,
чуть месяца светился глаз,
в деревне спал и стар и мал,
лишь ветер глухо бушевал.
А он пред нею скок да скок,
она за ним, не чуя ног.
Собаки, взыв, залаяли,
лишь этих двух почуяли:
и выли, выли без конца,
как будто чуя мертвеца.
«Полночный час уже пробил,
выходят тени из могил;
коль их заметишь пред собой –
не побоишься, светик мой?»

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

«Чего ж бояться? Ты – живой
и очи божьи надо мной.
Поведай лучше мне в ответ,
отец здоров ли твой, иль нет?
Скажи, твои отец и мать
готовы ль в дом меня принять?»
«Ты слишком много хочешь знать!
Спеш и – сможешь увидеть.
Скорей, скорее, час не ждет,
а путь далекий нас ведет. –
Что ж правой держишь ты рукой?»
«Несу молитвенник святой».
«Оставь его! Молитвы те –
как тяжесть камня на хребте.
Забрось его! Ведь нам итти
без ноши легче на пути».
Он требник бросил под откос,
и стал их шаг по десять верст.
И путь пошел их по камням,
по диким скалам и лесам;
в теснинах тех меж скалами
шакалы зубы скалили;
и филин дико хохотал,
как бы несчастье предвещал.
А он пред ней все скок да скок,
она ж за ним, не чуя ног.
По гребням скал, по терниям
ступают ноги белые;
и острия в багряный цвет
кровавят ног девичьих след.
«Полночный час уже пробил,
выходят тени из могил;
коль их заметишь пред собой –
не побоишься, светик мой?»
«Чего ж бояться? Ты – живой
и власть господня надо мной.
Ты лучше расскажи о том,
где ты живешь, каков твой дом?
Чиста ль светлица, весела?
И церковь близко ль от села?»
«Ты слишком много хочешь знать!
Самой придется увидеть.
Спеш скорей: ведь час не ждет,
а путь далекий нас ведет.
Что у тебя за пояском?»
«Взяла я четки в новый дом».
«О, этих четок черный ряд,
тебя обвинил он точно гад!
Они начнут тебя душить:
сорви их – надо нам спешить!»
Он бросил четки под откос,
и стал их шаг по двадцать верст.
Была дорога их долга –
через болота и луга;
а по болотам у реки
блуждающие огоньки[21]:
по девять в ряд и там и тут,
как будто с телом гроб несут;
а жабий хор среди болот
как по покойнику поет.
Он все пред нею скок; да скок,
она ж за ним, не чуя ног:
осока хлещет по ногам,
подобно бритвенным ножам,
и папоротник зеленый
стал кровью обагренный.
«Полночный час уже пробил,
спешат виденья в тьму могил;

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

как взор ни крой, их страшен рой –
ты не боишься, светик мой?»
«Ах не боюсь, ведь ты живой
и воля божья надо мной!
Но не спеши ты так итти,
позволь мне дух перевести,
слабеют ноги, колет грудь,
дай мне минутку отдохнуть!»
«Нет, мы скорей должны итти!
Уж близится конец пути.
Пир начат, гости у стола,
летят мгновенья, как стрела.
Что это у тебя, гляди,
на шнур надето на груди?»
«То матушки покойной крест».
«Креста мне ненавистен блеск!
Краями в золотом огне
он колет грудь тебе и мне,
брось! Станешь птицей в вышине!»
И он забросил крест в овраг,
стал в тридцать верст их каждый шаг.
И вот пред ними дол открыт,
на нем строение стоит;
высоких узких окон ряд
и колокольни острый скат.
«Ну, вот, дружочек, мы и здесь,
теперь увидишь все как есть».
«Не церковь ли на месте том?»
«Нет, то не церковь, то – мой дом!»
«А это не крестов ли ряд?»
«Нет, не кресты то, а – мой сад!
Теперь – ты на меня взгляни
и частокол перемахни!»
«Постой? размыслить дай самой!
Мне странен, страшен облик твой;
Твое дыхание – беда,
а сердце, вижу, тверже льда!»
«Не бойся, милая моя,
богато, сытно у меня,
мясного много в погребах,
сегодня ж пир начнем не так!
Что у тебя за узелок?»
«Рубашки – свадебный залог».
«Не нужно больше их чем две!
одна тебе, другая мне».
С рубашками он узел сгреб
и за ограду их – на гроб.
«Теперь ты на меня взгляни
и изгородь перемахни».
«Ты ж был все время впереди,
на нашем свадебном пути,
Ты шел все время впереди,
так первый ты и перейди!»
Он хитрости не разгадал,
перескочил вдруг через вал;
подпрыгнул вверх на пять сажень,
вдали мелькнула девы тень,
и тотчас след ее простыл,
так изо всех помчалась сил...
И ей убежище нашлось;
того не ждал коварный гость!
И вот часовня перед ней
с засовом прочным у дверей;
она дрожа в нее вошла
и двери крепко заперла.
Узка в часовне щель окна,
лишь месяцем освещена;
теснее клетки камни плит,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

и мертвый посреди лежит.
Вдруг шум поднялся за стеной;
теней могильных хрип и вой!
Скребутся, шаркают вокруг
и песню начинают вдруг:
«Могиле плоть предать спеши,
погиб, кто не сберег души!»
И в двери гром и в стены стук;
неистовствует страшный друг:
«Вставай, мертвец, вставай скорей,
засовы отодвинь с дверей!»
И мертвый веки подымал,
и мертвый очи протирал,
и, словно в чувство приходя,
взглянул, поднявшись, вкруг себя.
«О, святой боже, мне во власть
не дай к нечистому попасть!
Ты, мертвый, не тревожь покой,
да будет вечный мир с тобой!»
И мертвый голову склонил
и очи мутные закрыл.
Но снова грохот, снова стук!
Еще сильнее бушует друг:
«Вставай, мертвец, вставай с одра,
открыть часовню нам пора!»
И вновь на страшный тот призыв
мертвец поднялся полужив,
к засовам прочной двери той
холодной тянется рукой.
«Исусе Спасе, помоги,
не дай, чтоб вторгнулись враги!
Мертвец, лежи и тих и строг;
да будет милостив к нам бог!»
И снова мертвый лег, как был
в гроб без движения, без сил,
и вновь поднялся грохот, стук!
У девы меркнет взор и слух!
«Го, го, мертвец! Го, го, вставай!
и нам живую подавай!»
Беда бедняжке в этот час!
Поднялся мертвый в третий раз
и свой пустой, потухший взор
на полумертвую простер.
«Мать богородица! Спаси,
у сына милости проси!
В своих молитвах я грешна:
но ты простить меня должна!
Мать всех покинутых детей,
спаси меня из злых сетей!»
И тут, как бы в ответ ей, вдруг
запел вдали в селе петух,
по всей деревне повторен
петуший крик со всех сторон.
Тогда мертвец, который встал,
как бы подкошенный упал,
снаружи – смолк последний звук:
исчез с тенями страшный друг.
А утром люди, идя в храм,
остановились в страхе там:
раскрытый гроб в могиле пуст,
в часовне девушка без чувств,
и на могильные кресты
рубашек вздеты лоскуты.
Права ты, девушка, была, –
что мысли богу предала –
от злого отступила,
иначе б худо было!
И не рубашек клочья,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис
а тело было бы твое
растерзано на клочья!

1843 г.

Клятва верности

Шотландская народная баллада

Мертвец явился к Марджери. [22]

Взошел он на крыльцо,

У двери тихо застонал

И дернул за кольцо.

– О, кто там, кто там в поздний час

Ждет у дверей моих:

Отец родной, иль брат мой Джон,

Иль милый мой жених?

– Нет, не отец, не брат твой Джон

Ждут у дверей твоих.

То из Шотландии домой

Вернулся твой жених.

О сжался, сжался надо мной,

О, сжался, пощади.

От клятвы верности меня

Навек освободи!

– Ты клятву верности мне дал,

Мой Вилли, не одну.

Но поцелуй в последний раз,

И клятву я верну.

– Мое дыханье тяжело

И горек бледный рот.

Кого губами я коснусь,

Тот дня не проживет.

Петух поет, заря встает,

Петух поет опять.

Не место мертвым среди живых,

Нельзя мне больше ждать!

Он вышел в сад, она за ним.

Идут по склонам гор.

Вот видят церковь в стороне,

Кругом – зеленый двор.

Земля разверзлась перед ним

У самых, самых ног,

И снова Вилли молодой

В свою могилу лег.

– Что там за тени, милый друг,

Склонились с трех сторон?

– Три юных девы, Марджери,

Я с каждой обручен.

– Что там за тени, милый друг,

Над головой твоей?

– Мои малютки, Марджери,

От разных матерей.

– Что там за тени, милый друг,

У ног твоих лежат?

– Собаки ада, Марджери,

Могилу сторожат!

Она ударила его

Дрожащею рукой.

– Я возвращаю твой обет,

Пусть бог вернет покой!

Перевод: Самуил Маршак

Мэтью Грегори Льюис Алонсо Отважный и Краса Имоген

Английская баллада

Девушка и рыцарь сидели одни. [23]

Был рыцарь навеки влюблен.

С тоской друг на друга смотрели они.

Краса Имоген ее звали в те дни,

Алонсо Отважный был он.

«Я еду сражаться в далекой стране,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Ты горькие слезы прольешь.
Но верной недолго останешься мне.
Приедет богатый к тебе по весне,
И с ним под венец ты пойдешь!»
«Нет, милый, – ему отвечает она, –
Меня укорять ты постой.
Любовью навек я тебе отдана,
Живой ты иль мертвый – тебе я жена,
В том Девой клянусь Пресвятой!
Но если, пока еще луг не отцвел,
Мной будет Алонсо забыт,
Пусть Бог повелит, чтобы дух твой пришел,
Сел рядом со мною за брачный мой стол,
Неверной назвал и с собою увел
Туда, где твой прах был зарыт!»
Давно в Палестине сражается он.
Рыдала она до поры,
Но скоро, ее красотой покорен,
Приехал к ней свататься знатный барон,
Привез дорогие дары.
Сверканием золота ослеплена,
Не льет она более слез.
Все прежние клятвы забыла она,
Барону любовь Имоген отдана,
В свой замок ее он увез.
Сидит за столом с молодою супруг.
Все дружно здоровье их пьют.
И весел и буен пирующих круг.
Вдруг гулкий по зале разносится звук –
Часы полуночные бьют.
Краса Имоген с изумленьем глядит,
Увидела только сейчас,
Что рядом с ней рыцарь безвестный сидит,
Недвижный, безмолвный, ужасный на вид.
Не сводит с лица ее глаз.
Забрало опущено, адски черны
Шелом и тяжелая бронь.
Веселие смолкло, все гости бледны,
И жмутся собаки у дальней стены,
Стал факелов синим огонь.
Барон содрогнулся, от ужаса нем.
Дрожит молодая жена.
Но молвит, свой взор опустив перед тем:
«О рыцарь, прошу, отстегните свой шлем,
Испейте со мною вина!»
Он поднял забрало с лица своего,
Шелом отстегнул он от лат.
Страшнее не видел никто ничего!
Взглянула Краса Имоген на него
И черепа встретила взгляд.
Узрела она: обитатель гробниц,
Змей лоб костяной обвивал,
И черви клубились в провалах глазниц.
От ужаса гости попадали ниц,
А призрак ей глухо сказал:
«Узнай же Алонсо! Наш луг не отцвел,
Как я был тобою забыт!
И Бог повелел, чтобы дух мой пришел,
Сел рядом с тобою за брачный твой стол,
Неверной назвал и с собою увел,
Туда, где мой прах был зарыт!»
В объятьях свою нареченную сжал.
Как жалобен был ее крик!
Разверзся у ног его черный провал.
Дух прыгнул туда и навеки пропал
С Красой Имоген в тот же миг.
Скончался барон. Запустенье и тлен
С тех пор в его замке царят.

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Там кару доныне несет Имоген.
Господь не прощает лжеклятв и измен,
Так «Хроники» нам говорят.
В полуночный час там четырежды в год
Протяжный разносится стон.
Невеста в фате нареченного ждет.
Приходит скелет и с ней рядом встает,
И кружится в пляске с ней он.
Из черепа кровь выпивают вдвоем,
И духи толпятся у стен,
Крича: «Новобрачным мы честь воздаем!
За здравье Алонсо Отважного пьем
С неверной его Имоген!»
1795 г.

Похожее стихотворение встречается у Карела Яромира Эрбена во втором издании сборника «Букет».

Карел Яромир Эрбен Незванный гость
Раскраснелись в пляске лица,
шумно, тесно за столом,
и невеста веселится –
лихо пляшет с женихом.
Пьян от счастья, в шуме, громе
крикнул он: «Гей, веселей!
Всем, что в погребке, что в доме,
всем я потчую гостей!»
За столом поднялся с места
гость незванный и чужой:
«Жизнь отдал бы, чтоб невеста
круга три прошла со мной!»
Первый круг протанцевали, –
замер у невесты смех;
круг второй еще в начале, –
а она бела, как снег.
«Что, любимая, бледнеешь?
Загрустила отчего?
Иль на свадьбу звать не смеешь
в гости Зденка своего?»
Так шепнул он, с нею вместе
завершая третий круг.
На руки без чувств невеста
к жениху упала вдруг.
Все – в смятеньи, – случай странный!
Все спешат, чтоб ей помочь.
Кто он? Где он, гость незванный?..
Сгинул, словно призрак, в ночь.
Скрылся незнакомец мрачный,
снова танцы, пир горой,
но веселье новобрачной
гость унес навек с собой.
1834 г.

Адам Мицкевич Бегство
Польская баллада

Он воет – дни уплыли, [24]
Год – не едет; знать, в могиле.
Панна, жалко юных лет:
Выслал свата князь-сосед.
Князь пирует неустанно,
Слезы льет в светлице панна.
Уж зеницы – не зарницы,
А две мутные криницы; [25]
Ясный месяц – лик девицы
Ныне будто мгла скрывает:
Панна чахнет, панна тает.

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Мать в кручине и в смятенье,
Князь назначил оглашенье. [26]
Свадьба едет с гудом, с людом.
«К алтарю не поведете,
На погост меня свезете,
А постель в гробу добуду.
Если мертв он – пусть умру я,
Мать, и ты умрешь, тоскуя!»
Ксендз [27] в костеле восседает,
К покаянью призывает.
Входит кумушка-мегера:
«Знаться нечего с попами!
Бог и вера – бред, химера!
Мы с бедою сладим сами.
У кумы найдется в келье
Папоротник и царь-зелье, [28]
У тебя ж – дары милого,
Вот и все для чар готово!
Змейкой прядь его сплети,
Вместе два кольца сведи,
Кровь из ручки нацеди,
Будем змейку заклинать,
В два колечка дуть, шептать,
Он придет невесту взять».
Шабаш начат – всадник скачет.
Сам в проклятье – внял заклятью.
Ледяной открыт приют.
Панна, панна, страшно тут!
Все затихло в замке, спит он.
Глаз лишь панна не закрыла.
Дремлет стража. Полночь било.
Панна слышит стук копыта.
Будто силы не имея,
Пес завыл и смолк, немея.
Тихо скрипнули ворота,
Кто-то там, внизу, ступает,
В коридорах длинных кто-то
Дверь за дверью открывает.
Входит всадник в белом платье
И садится на кровати.
Быстро сладкий час промчался.
Ржанье вдруг, совы стенанье.
Бьют часы. «Конец свиданью,
Ржет мой конь, меня заждался;
Или – встань и вместе в путь,
И моей навеки будь!»
Месяц мглился – всадник мчится,
Густ кустарник, ветки бьют.
Панна, панна, страшно тут!
Мчится полем конь летящий,
Мчится чаще – глухо в чаще;
Только слышно из-за клена
Крик встревоженной вороны,
Да зрачками из-за елки
Лишь посверкивают волки.
«Вскачь, мой конь, во весь опор!
Месяц вниз плывет из туч,
А пока он в дебрях туч,
Одолеть нам девять гор,
Десять скал и десять вод;
Скоро петел [29] пропоет».
«А куда мы едем?» – «К дому.
Дом мой на горе Мендога; [30]
Днем доступна всем дорога,
Ночью ж – ездим по-иному».
«Есть там замок?» – «Замок скоро;
Заперт он, хоть без запора».
«Тише, милый, я слабею,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Придержи коня немножко».
«За седло держись сильнее,
Что в твоей ладони, крошка?
Не мешочек ли с канвою?»
«Мой молитвенник со мною».
«Нет! Вперед погоня рвется,
Слышишь топот? Нас настигнут.
Конь у пропасти споткнется,
Брось книжонку – перепрыгнет».
Конь, избавясь от поклажи,
Перепрыгнул десять сажен.
По болоту, между кочек,
Конь несется что есть силы,
От могилы до могилы
Пролетает огонечек,
Словно верный провожатый,
След за ним голубоватый,
А по следу – конь проклятый.
«Милый, что тут за дорога?
Не видать следа людского».
«Все дорога, раз тревога,
Бегству нет пути прямого.
Где следы? В мой замок входа
Нет для пешего народа:
Богатея – ввозят цугом,
Победнее – ноша слугам.
Вскачь, мой конь, во весь опор!
Загорелся небосклон,
Через час раздастся звон.
А пока услышим звон
Мимо речек, скал и гор
Проносись во весь свой дух:
Через час – второй петух».
«Натяни поводья лучше!
Конь пугливо скачет боком,
За скалу или за сучья
Зацеплюсь я ненароком».
«Что там, милая, надето
Шнур, кармашки с ремешками?»
«Мой любимый, четки это,
Это ладанки с мощами».
«Шнур проклятый! Шнур, сверкая;
Пред конем моим маячит:
Он дрожит и боком скачет.
Брось игрушки, дорогая!»
Конь, избавясь от тревоги,
Отмахал пять миль дороги.
«Не погост ли это, милый?»
«Это замка укрепленья».
«А кресты, а те могилы?»
«Не кресты, то башен тени.
Вал минуем – и дорога
Оборвется у порога.
Стой, мой конь ретивый, стой!
До зари ты миновал
Столько рек, и гор, и скал:
Что ж дрожишь ты, резвый мой,
Знаю, маемся вдвоем
Ты крестцом, а я крестом».
«Опустил твой конь копыта.
Веет стужей ветер лютый.
Ледяной росой омыта,
Вся дрожу – плащом укутай!»
«Ближе! Я хочу недаром
Лбом к груди твоей склониться:
Он таким пылает жаром,
Что и камень раскалится!
Что за гвоздь тут, дорогая?»

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

«Это крест, что мать надела».
«Крестик тот остер, как стрелы,
Лоб он ранит, обжигая.
Выбрось гвоздик, дорогая!»
Крест упал и в прахе скрылся,
Всадник панну сжал руками,
Из очей блеснуло пламя,
Конь вдруг смехом разразился,
За стену махнул в мгновенье.
Слышен звон, петушьи пенья.
Ксендз не начал службы ранней
Конь исчез и всадник с панной.
На погосте тишь царила.
В ряд стоят кресты и плиты,
Без креста одна могила,
И земля вокруг разрыта.
У могилы ксендз склонился
И за две души молился.
1831 г.
Перевод: Михаил Голодный
Ленора
Немецкая баллада

Зажглися в небе звезды,
Высоко месяц встал,
Мертвец к луке припал:
«Впусти меня, подружка,
Окно скорей открой,
Недолго мне быть с тобой.
Петух пропел двукратно,
Рассвет вещает он,
В дорогу я снаряжен.
Длинна моя дорога:
Две сотни миль позади –
И столько же впереди.
Не медли, дорогая,
В седло ко мне садись,
Мы б вихрем понеслись!
Там, в Венгрии далекой,
Есть домик у меня,
Там отпущу коня.
На свежей луговине
Построен домик мой,
Приют для нас с тобой.
Не мучь меня, не медли,
Садись ко мне, дружок,
Поскачем на восток!
Нам звездочки мерцают,
Высоко месяц встал».
Мертвец к луке припал!
«Куда меня зовешь ты?
Что вздумал, бог с тобой,
Еще и в час лихой?
С тобой не поскачу я,
Кровать твоя узка,
Дорога далека.
Один ты нынче ляжешь,
Мой милый, навсегда!
До Страшного суда».
Перевод: Александр Кочетков
Свидание с мертвым женихом
Немецкая баллада

Ее он любил когда-то,
Да взяли его в солдаты.
Ему сказала она:
«Зачем так печален взор твой?
Живой ты будешь или мертвый,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Я стану ждать у окна,
Пока отгремит война».
За месяцем месяц мчится.
Вот всадник в окно стучится
Осенней порой ночной.
«Ты помнишь иль ты забыла,
Как прежде меня любила?
Садись на коня со мной!»
«Я жду тебя, мой родной!»
Он обнял ее за шею
И вот уже вместе с нею
На черном летит коне.
«Не страшно ль тебе, родная?»
«О милый, ведь не одна я.
Чего же бояться мне
В своей ли, в чужой стороне?»
Как жалобно ветры плачут.
Как мертвые быстро скачут.
Проехали шаткий мост.
К часовне ведет дорога.
Осталось скакать немного:
Белеет вдали погост
При свете холодных звезд.
«Любовь моя и отрада,
Навек нам расстаться надо», –
Невесте сказал жених.
И лег он в сырую землю:
Лишь мертвых земля приемлет
В объятья могил своих,
Но не берет живых.
Перевод: Лев Гинзбург
Оге и Эльсе
Датская баллада в переводе В. Поталовой

Три девы сидели в светлице: [31]
Две – пряли златую нить,
А третья не устала
О мертвом слезы лить.
К прекрасной Эльсе с дороги –
Тому немного дней –
Заехал рыцарь Оге
И обручился с ней.
Он златом с ней обручился,
Едва ступив на порог,
И в первое новолуние
В землю сырую лег.
Эльсе ломала руки.
Невесты жалобный стон
И горьких рыданий звуки
В могиле услышал он.
Поднялся рыцарь Оге.
На плечи взвалил с трудом
Свой гроб и с бременем тяжким
К невесте отправился в дом.
Он стукнул в двери гробом,
А не рукоятью меча,
Которой стучался прежде,
Обернув ее в мех плаща.
«Открой мне, прекрасная Эльсе!»
«Открою, во имя Христа,
Если имя назвать Христово
Вправе твои уста!»
«Встань, благородная Эльсе!
Впусти своего жениха.
По-прежнему имя Христово
Назвать я могу без греха».
Эльсе встала с постели
И дверь отперла мертвецу.

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Слезы у девы бежали
По белому лицу.
Она ему кудри чесала,
Гребень взяв золотой:
Расчешет прядь – и омочит
Ее горючей слезой!
«Рыцарь Оге, мой милый!
Поведай, возлюбленный мой,
Как лежишь ты на дне могилы,
Объятый кромешной тьмой?»
«Под землей, в гробу моем тесном,
Где сырость и вечная мгла, –
Мне как в раю небесном,
Если ты весела!»
«Мой милый, с тобою вместе,
На дне могилы, во мгле,
Нельзя ли твоей невесте
Лежать в сырой земле?»
«С тобою крестная сила!
Спаси тебя крест святой!
Как пекло, зияет могила
Зловещей своей чернотой.
Когда твой плач к изголовью
Доносится ночью и днем,
Мой гроб запекшейся кровью
Наполнен и тяжело в нем.
Над моим изголовьем зелье
Коренится, в грунт углубясь.
На ногах, в моем подземелье,
Повисают змеи, склубясь.
Но если песня сорвется
Ненароком с любимых уст,
Внутри моей могилы
Зацветает розовый куст.
Крикнул петух черный.
Затворы с вечности врат
Упали, и в мир тлетворный
Вернуться спешит наш брат.
Крикнул петух белый,
Ранней зари певец.
В свой дом затравенелый
Вернуться должен мертвец.
Крикнул петух рыжий.
Это – усопшим знак,
Что месяц клонится ниже
И мешкать нельзя никак!»
Взвалил он гроб на плечи
И сквозь дремучий бор
Побрел с ним через силу
В церковный двор.
Эльсе, в тоске и тревоге,
В этом лесу глухом
Шла за рыцарем Оге,
Мертвым своим женихом.
И выщвели, как только
Вступил он в церковный двор,
Его златые кудри,
Всегда ласкавшие взор.
«Взгляни, дорогая, на небо,
На звездный его венец!
Душа твоя взвеселится,
Лишь ночи наступит конец».
На небо взглянула Эльсе,
На звездный его венец,
И не увидела дева,
Как в землю ушел мертвец.
Горюя, домой вернулась
Эльсе в предутренней мгле

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

И в первое новолуние
Лежала в сырой земле.
Перевод: Вера Потапова
Оге и Эльсе
Датская баллада в переводе Игн. Ивановского
Две девушки золотом шили,
Держали шитье,
А третья грустила, что умер
Любимый ее.
Она ему поклялась.
Эльсе встретилась с Оге,
Он ехал верхом.
Вскоре он с ней обручился
И стал женихом.
Он золота взял немало
И Эльсе берег,
Но только окончился месяц,
В могилу он лег.
Так горько оплакала Эльсе
Несчастье свое,
Что Оге в глубокой могиле
Услышал ее.
Он гроб поднимает на плечи,
Идет, как слепой,
Приходит к покою невесты
Тяжелой стопой.
Он гробом стучит непокрытым,
Не пряча в меха.
«Вставай, любимая Эльсе,
Впусти жениха».
Горько заплакала Эльсе,
Ей горе, как нож.
«Коль скажешь ты имя Христово,
Ко мне ты войдешь».
«Вставай, любимая Эльсе,
Поверь, я не лгу:
Сказать тебе имя Христово,
Как прежде, могу».
Эльсе горячие слезы
Отерла рукой,
Встала и мертвого Оге
Впустила в покой.
Из золота частый гребень
Достала она
И жениха причесала,
Смертельно бледна.
«Скажи мне, любимый Оге,
Скажи мне скорей,
Как там в подземном мраке,
В могиле твоей?»
«В нашем подземном мраке,
В могиле моей,
Как в светлом небесном царстве,
Будь веселей».
«Зачем же, любимый Оге,
Мне мыкать беду?
Я лучше в твою могилу
С тобою пойду».
«Темно в моей тесной могиле,
Туда не стремись.
Темно в ней, как в преисподней.
Крестом осенись!
Когда ты грустишь и плачешь
И хмуришь лоб,
Старой прокисшей кровью
Полон мой гроб.
В моем изголовье травы
Под ветром шуршат,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

В ногах моих скользкие змеи
Кишмя кишат.
Когда ты поешь и смеешься,
Не льешь ты слез,
Могилы полны лепестками
Прекрасных роз.
Но черный петух загорланил,
О Эльсе, прости!
Покуда открыты ворота,
Я должен уйти.
И белый петух загорланил
Под кровлей дворца.
Стремиться в сырую могилу –
Удел мертвеца.
И красный петух загорланил,
Язычников друг.
Пора мне в сырую могилу,
Светает вокруг».
Он гроб поднимает на плечи,
Идет, как слепой,
К раскрытой могиле уходит
Тяжелой стопой.
Заплакала бедная Эльсе,
Оставила дом,
Пошла она следом за Оге
Во мраке лесном.
Все дальше по темному лесу
Шел мертвый жених,
Поблекли и выцвели пряди
Волос золотых.
«Смотри, как от звездочек малых
Блестит небосвод.
Порадуйся звездному небу,
И полночь пройдет».
На звезды она оглянулась,
Не видя его,
А он опустился под землю,
Вокруг – никого.
Домой она шла одиноко
И слезы лила,
И только окончился месяц,
В могилу легла.
Перевод: Игнатий Ивановский
Отрывки из исландской баллады «Вторая песнь о Хельги Убийце Хундинга»

Из сборника скандинавской мифологии «Старшая Эдда». Сюжет лег в основу датской баллады «Оге и Эльсе».

Хельги женился на Сигрун, и у них были сыновья. Хельги не дожил до старости. Даг, сын Хёгни, принес Одину жертву, чтобы тот помог отомстить ему за отца. Один дал Дагу свое копьё. Даг встретил Хельги, своего зятя, у роши, которая называется Фьётурлунд. Он пронзил Хельги копьём. Хельги пал, а Даг поехал в горы и рассказал Сигрун, что произошло:

«Сестра, не хотел бы
о горе поведать
и слезы твои,
сестра, увидеть, –
убит поутру
под Фьётурлундом
герой, меж князьями
самый достойный,
себе подчинявший
воинов смелых».
[Сигрун сказала:]
«Пусть тебя
покарают те клятвы,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

которые дал ты
когда-то Хельги,
клялся ты светлой
влагой лейфтра
и камнем Унн
в холодной росе!
Пусть не плывет
отныне корабль твой,
как бы ни дул
ветер попутный!
Пусть не бежит
конь твой послушно,
когда от врагов
спасенья ты ищешь!
Пусть не разит
меч твой в битве,
разве что сам ты
сражен им будешь!
Было бы мезью
за гибель Хельги,
если б ты волком
скитался в чаще,
нищим и сирым,
вечно голодным,
разве что трупы
тебя б насыщали!»
[Даг сказал:]
«Сестра, ты безумна,
затмился твой разум,
коль беды зовешь
на голову брата!
Один повинен
в этом несчастье,
меж нами руны
раздора посеяв.
Золото брат
тебе предлагает,
Вандильсве весь
и Вигдалир тоже;
половина страны
выкупом станет
за горе твое
и твоих сыновей!»
[Сигрун сказала:]
«Как ни богато
живу я в Севафьёлль,
жизни не рада
ни утром, ни ночью,
жду, не блеснет ли
войско князя,
Вигблер под князем
сюда не примчится ли,
как бы тогда я
конунга встретила!
Так убегали
в страхе безмерном
перед Хельги враги
и родичи их,
как козы бегут
по горным склонам,
страхом гонимы,
спасаясь от волка.
Так возвышался
Хельги меж конунгов,
как яшень гордый
в зарослях терна
или олень,
росой обрызганный,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис
он из зверей
самый высокий,
рога его блещут
у самого неба!»

Холм был насыпан на могиле Хельги. И когда он попал в Вальгаллу, Один предложил ему править всем наравне с ним самим. Хельги сказал:

«Хундинг, сначала
всем ноги омоешь,
огонь разведешь,
и привяжешь собак,
и свиньям дашь поило,
коней попасешь, –
тогда только смеешь
об отдыхе думать».

Служанка Сигрун шла мимо кургана Хельги и увидела, что Хельги со многими людьми подъехал к кургану. Служанка сказала:

«Чудится мне,
или настал
света конец?
Мертвые скачут!
Что же вы шпорите
ваших коней,
разве дано вам
домой возвратиться?»

[Хельги сказал:]

«Нет, не почудилось
все, что ты видишь,
и не настал
света конец,
хоть мы и шпорим
наших коней,
но не дано нам
домой возвратиться».

Служанка вернулась домой и сказала Сигрун:

«Сигрун, скорее
из Севафьелль выйди,
если ты конунга
хочешь встретить!
Раскрылся курган,
Хельги вернулся!
Раны сочатся, –
просил тебя конунг
кровавые капли
его осушить».

Сигрун пошла в курган к Хельги и сказала:

«Так радуюсь я
встрече с тобою,
как рады взалкавшие
Одина соколы,
что убитых почуяли
теплое мясо
иль видят рассвет,
росою омытые.
Сперва поцелую
конунга мертвого,
а тыними
доспех окровавленный;
иней покрыл
волосы Хельги,
смерти роса
на теле конунга,
руки как лед
у зятя Хёгни;
как мне, конунг,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

тебя исцелить?»
[Хельги сказал:]
«Ты в том повинна,
Сигрун из Севафьёлль,
что Хельги обрызган
горя росю:
слезы ты льешь,
убрана золотом,
с юга пришедшая,
солнечноясная;
падают слезы
на князя кровавые,
жгут его грудь,
горем насыщены.
Будем мы пить
драгоценный напиток,
хоть счастье и земли
мы потеряли!
Не запевайте
горести песен,
видя мои
кровавые раны!
Отныне в кургане
со мною, убитым,
знатная дева
вместе пребудет!»
Сигрун постелила постель в кургане:

«Здесь тебе, Хельги,
ложе готово, –
радости ложе,
Ильвингов родич;
в объятьях твоих
уснуть бы хотела,
как с конунгом я
живым уснула б!»
[Хельги сказал:]
«Ныне нет ничего,
ни поздно, ни рано,
что невозможным
в Севафьёлль было б,
если в объятьях
мертвого спишь,
в кургане его,
Сигрун, дочь Хёгни,
ты, живая,
рожденная конунгом!
Ехать пора мне
по алой дороге,
на бледном коне
по воздушной тропе;
путь мой направлю
на запад от неба,
прежде чем Сальгофнир
героев разбудит».

Хельги и его воины ускакали, а Сигрун со служанкой вернулась домой. На следующий вечер Сигрун велела служанке стоять на страже у кургана. И в сумерки, когда Сигрун пришла к кургану, она сказала:

«Если б приехать
сюда собирался
Сигмунда сын
из дома Одина!
Нет, не приедет,
померкла надежда,
если орлы
на ясень садятся,
а люди идут

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис «на тинг сновидений».
[Служанка сказала:]
«Не будь безумной,
одна не ходи ты,
конунга дочь,
в мертвых жилище!
Ночью сильнее
становятся все
мертвые воины,
чем днем при солнце».
Сигрун вскоре умерла от скорби и печали.

Перевод: Андрей Корсун

Эдгар Аллан По Линор

Считается, что «Линор» была написана под сильным впечатлением от баллады Бюргера «Ленора», о которой Эдгар По не раз писал в своих эссе.

Стихотворение названо по имени усопшей героини, Линор, которая была невестой некоего сэра Гая де Вира. Также как и некоторые другие стихотворения Эдгара Аллана По (например, «Ворон», «Аннабель Ли» и «Улялюм»), «Линор» описывает потерю рассказчиком прекрасной женщины, внезапно скончавшейся. Линор умирает от болезни, но именно Гая обвиняют голоса в её смерти.

Линор

Увы, разбит сосуд золотой! дух отлетел навеки!
Звон, долше стой! – душе святой плыть в роковые реки;
Что, Ги де Вир, без слез ты сир? – рыдай себе в укор!
Померк весь мир, в гробу кумир, любимая Ленор!
Пускай вершат над ней обряд – поют за упокой! –
О самой царственной скорбят – о юности такой –
Вдвойне умершей гимн творят – умершей молодой.
«Вы гордость презирали в ней – богатство лишь любили,
Когда ж слегла от горьких дней – на смерть благословили!
Кто совершит теперь обряд? – какие петь слова? –
Ужели вы – ваш черный взгляд – колючая молва –
Сгубившие невинную – расцветшую едва?»
Мы все грешны; но меч – в ножны! И пусть восходит к Богу
Воскресный хор среди тишины – от мертвой прочь тревогу.
Предстала милая Ленор – с Надеждой за спиной,
А ты, грустя, оплачь дитя, не ставшее женой.
Скорби о ней, что всех нежней, лелей нетленный прах.
Струится жизнь, но не в глазах, а только в волосах,
Льняная прядь жива опять – но стынет смерть в глазах.
«Прочь! прочь! от демонов спешит мятежный дух, взлетая
Из Ада в горнюю обитель, ввысь, в пределы Рая,
Отринув стон, пред светлый трон, к Царю Небес взлетая!
Да смолкнет звон – иначе он ей душу воспалит,
Когда она, блаженств полна, над миром воспарит.
А я! – какой в груди покой! – рыдать уж не хочу,
Я петь ей рад на старый лад – и с ангелом лечу!»
Перевод: Владимир Бойко

Линор

О, сломан кубок золотой! душа ушла навек!
Скорби о той, чей дух святой – среди Стигийских рек.
Гю де Вир! Где весь твой мир? Склони свой темный взор:
Там гроб стоит, в гробу лежит твоя любовь, Линор!
Пусть горький голос панихид для всех звучит бедой,
Пусть слышим мы, как нам псалмы поют в тоске святой,
О той, что дважды умерла, скончавшись молодой.
«Лжецы! Вы были перед ней – двуликий хор теней.
И над больной ваш дух ночной шепнул: Умри скорей!
Так как же может гимн скорбеть и стройно петь о той,
Кто вашим глазом был убит и вашей клеветой,
О той, что дважды умерла, невинно-молодой?»
reccavimus; [32] но не тревожь напева похорон,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Чтоб дух отшедший той мольбой с землей был примирен.

Она невестою была, и радость в ней жила,
Надев несвадебный убор, твоя Линор ушла.
И ты безумствуешь в тоске, твой дух скорбит о ней,
И свет волос ее горит, как бы огонь лучей,
Сияет жизнь ее волос, но не ее очей.

«Подите прочь! В моей душе ни тьмы, ни скорби нет.
Не панихиду я пою, а песню лучших лет!

Пусть не звучит протяжный звон угрюмых похорон,
Чтоб не был светлый дух ее тем сумраком смущен.
От вражьих полчищ гордый дух, уйдя к друзьям исчез,
Из бездны темных Адских зол в высокий мир чудес,
Где золотой горит престол властителя небес».

Перевод: Константин Бальмонт

Линор

Расколот золотой сосуд, и даль душе открыта!

Лишь тело тут, а дух несут, несут струи коцита[33].

А! Ги де Вир! рыдай теперь, теперь иль никогда!

Твоя Линор смежила взор, – в гробу, и навсегда!

Обряд творите похорон, запойте гимн святой,

Печальный гимн былых времен о жертве молодой,

О той, что дважды умерла, скончавшись молодой!

«Лжецы! вы в ней любили прах, но гордость кляли в ней!

Когда в ней стебель жизни чах, вы были с ней нежней.

Так как же вам творить обряд, как петь вам гимн святой?

Не ваш ли взгляд, недобрый взгляд, не вы ли клеветой

Невинность в гроб свели навек, – о! слишком молодой!»

Ressacimus. Но наших уз не отягчай! звучит

Пусть грустный звон, но пусть и он ее не огорчит.

Линор идет, – «ушла вперед», – с Надеждой навсегда.

Душа темна, с тобой она не будет никогда, –

Она, дитя прекрасных грез, что ныне тихий прах.

Жизнь веет в золоте волос, но смерть в ее очах...

Еще есть жизнь в руне волос, но только смерть в очах.

«Прочь! в эту ночь светла душа! Не плакать мне о ней!

Меж ангелов пою, спеша, пэан далеких дней.

Пусть звон молчит, пусть не смутит, в ее мечтах, вдали,

Ту, что плывет к лучам высот от проклятой земли,

К друзьям на зов, от всех врагов (и сон земной исчез)!

Из ада в высь несись, несись – к сиянию небес,

Из мглы, где стон, туда, где трон властителя небес!»

Перевод: Валерий Брюсов

Пэан

Стихотворение Эдгара По «Пэан» (англ. Paean) впервые опубликовано в 1831 году.

По неоднократно возвращался к этому стихотворению, а затем оно было переработано им в «Линор».

Как реквием читать – о смех! –

Как петь нам гимн святой!

Той, что была прекрасней всех

И самой молодой!

Друзья глядят, как на мечту,

В гробу на лик святой,

И шепчут: «О! Как красоту

Бесчестить нам слезой?»

Они любили прелесть в ней,

Но гордость кляли вслух.

Настала смерть. Они сильней

Любить посмели вдруг.

Мне говорят (а между тем

Болтает вся семья),

Что голос мой ослаб совсем,

Что петь не должен я

И что мой голос, полн былым,

Быть должен, в лад скорбей,

Столь горестным – столь горестным, –

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Что тяжко станет ей.
Она пошла за небосклон,
Надежду увела;
Я все ж любовью опьянен
К той, кто моей была!
К той, кто лежит, – прах лучших грез,
Еще прекрасный прах!
Жизнь в золоте ее волос,
Но смерть, но смерть в очах.
Я в гроб стучусь, – упорно бью,
И стуки те звучат
Везде! везде! – и песнь мою
Сопровождают в лад.
В Июне дней ты умерла,
Прекрасной слишком? – Нет!
Не слишком рано ты ушла,
И гимн мой буйно спет.
Не только от земли отторг
Тебя тот край чудес:
Ты видишь больше, чем восторг
Пред тронами небес!
Петь реквием я не хочу
В такую ночь, – о нет!
Но твой полет я облегчу
Пэаном древних лет!
Перевод: Валерий Брюсов
Линор

Расколот кубок золотой, – рыдать колоколам!
Летит с тоской душа святой к стигийским[34] берегам.
Тоскуй, сэр Гай, рыдай, рыдай! Что ж сух твой светлый взор?
Так холодна в гробу она, твоя любовь – линор!
Пой с нами, пой за упокой над мертвой красотой
Хорал, над той, что умерла такую молодой,
Над той, что умерла вдвойне, скончавшись молодой.
«Не гордость вы ценили в ней, а деньги предпочли,
С больной, вы стали с ней нежней – и этим в гроб свели.
Как с ваших лживых языков слетает гимн святой?
Как злобный хор клеветников поет за упокой,
Когда ее убили вы, убили молодой?»
«Рессаvітuѕ! Из гневных уст летят твои слова,
Но не мешай нам петь псалом, молчи – она мертва!
Хоть ради той души святой, что вознеслась, ушла,
Хоть ради той, что стать женой, твоей женой могла!
О, как мила она была! Она еще не прах –
Чиста улыбка и светла, нет смерти на устах,
И жизнь в волнистых волосах – но стынет смерть в глазах!»
«Да, слез мне нет, но горный свет горит в душе моей,
Пусть ангелу звучит вослед пеан минувших дней,
Пусть в мире зла колокола песнь оборвут свою,
Пускай Линор ваш злобный хор не слышит там в раю!
Да, здесь – враги, а там – друзья, паришь в полете ты,
Из ада – прямо в небеса, о них твои мечты.
Здесь – боль и стон, там – божий трон, сбываются мечты!»
Перевод: Галина Усова

Линор
Разбит, разбит золотой сосуд! Плыви, похоронный звон!
Угаснет день, и милая тень уйдет за Ахерон[35].
Плачь, Гай де Вир, иль, горд и сир, ты сладость слез отверг?
Линор в гробу, и божий мир для наших глаз померк.
Так пусть творят святой обряд, панихиду поют для той,
Для царственной, что умерла такую молодой,
Что в гроб легла вдвойне мертва, когда умерла молодой!
«Не гордость – золото ее вы чтили благоговейно,
Больную вы ее на смерть благословили елейно!
Кто будет реквием читать, творить обряд святой –
Не вы ль? не ваш ли глаз дурной, язык фальшивый, злой,
Безвинную и юную казнивший клеветой?»
Рессаvітuѕ; но ты смирись, невесту отпеть позволь,

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

Дай вознестись молитвам ввысь, ее утоляя боль.
Она преставилась, тиха, исполненная мира,
Оставив в скорби жениха, оставив Гай де Вира
Безвременно погибшую оплакивать Линор,
Глядеть в огонь этих желтых кос и в этот мертвый взор –
В живой костер косы Линор, в угасший, мертвый взор.
«Довольно! В сердце скорби нет! Панихиду служить не стану –
Новому ангелу вослед я вознесу осанну.
Молчи же, колокол, не мрачи простой души веселье
В ее полете в земной ночи на светлое новоселье:
Из вражьего стана гневный дух восхищен и взят сегодня
Ввысь, под охрану святых подруг, – из мрака преисподней
В райские рощи, в ангельский круг у самого трона господня».

Перевод: Надежда Вольпин

Примечания

1

Семилетняя война (1756–1763), в которой приняли участие все европейские великие державы того времени.

2

Пастор – протестантский священник.

3

Колет – короткий белый мундир в конных полках европейских армий.

4

Еще один вариант начала:

Ленору тяжкий сон томит,
Проснулась до рассвета.
«Вильгельм, откликнись! Ты убит
Иль спишь с другою где-то?»
(В. Левик «Избранные переводы», Москва 1977)

5

Битва под Прагой 6 мая 1757 г. (Семилетняя война).

6

Геенна – место вечных мук грешников, ад.

7

Нарева – Нарва.

8

Ланиты – щеки.

9

Василий Жуковский преподнес племяннице своё произведение в качестве свадебного подарка.

10

Одно из самых популярных произведений русского романтизма, в основе которого сюжет «Леноры» Бюргера, стало одним из источников распространения имени Светлана (имя было придумано и впервые использовано А. Х. Востоковым в «старинном романсе» «Светлана и Мстислав» (1802)).

Крещенский вечерок – канун церковного праздника Крещения, к этому времени приурочивались гадания.

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

11

Налой – аналой, род столика с наклонной поверхностью или поставца для развертывания книг во время богослужения.

12

Паникадило – люстра со свечами.

13

Запона – покров.

14

Денница – утренняя заря.

15

Зиждитель – создатель, творец.

16

Полтавская битва – крупнейшее сражение Северной войны (1709 год) между русскими войсками под командованием Петра I и шведской армией Карла XII.

17

Клир – клирос, певчие в церковном хоре.

18

Прац – праща, ручное оружие (сложенный петлею ремень) для кидания камней.

19

Ретивое – сердце.

20

Рута – южное растение с желтыми цветками. По поверьям древних славян, цветок руты только на Ивана Купала на несколько минут становился красным (червона рута). Считается что девушка, сорвавшая цветок червонной руты в ночь Ивана Купала, будет счастлива в любви.

21

Блуждающие огни – редкие природные явления, наблюдаемые по ночам на болотах, полях и кладбищах. Славяне верили, что это души умерших людей, появляющиеся над своими могилами (или духи клада, которые зажигают огоньки над спрятанным сокровищем, чтобы указать к нему дорогу).

22

Клятва верности («Дух Милого Вильяма») – Перевод С. Маршака сделан по тексту, опубликованному в книге: A. Ramsey, «A Tea-Table Miscellany», London, 1740 г. «Ленору» упрекали в заимствовании из английских баллад и преданий. Этот вопрос возник на страницах газет в 1796 г., когда появились английские переводы. Бюргер указывал на немецкие предания как источник своего вдохновения, цитируя из них словесные формулы, использованные им в своей балладе. Последующие розыски показали, что Бюргер был совершенно точен: сказки о возвращающемся женихе-мертвце с формулами, запавшими в память Бюргера, были широко распространены в немецком фольклоре; позднее были записаны и опубликованы аналогичные французские, славянские, греческие сказки.

(В. Э. Вацуру «Готический роман в России». Часть II)

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

23

За «Алонзо и Имогеной» стояла английская фольклорная традиция: баллады типа «Вильям и Маргарет». Ранней их литературной обработкой была баллада Д. Малле под этим названием (William and Margaret, 1723); здесь дух обольщенной и погибшей Маргарет является в полночь, чтобы упрекнуть оставившего ее Вильяма; Вильям спешит на могилу возлюбленной и умирает на могильном дерне. В несколько другом варианте она попала в знаменитый сборник Томаса Перси «Памятники старинной английской поэзии» (Sweet willliam's Ghost, 1765); у Перси дух «милого Вильяма» приходит к Маргарет.

(В. Э. Вацуру «Готический роман в России». Часть II)

24

Сюжет этот знаком народам всех христианских стран. Поэты по разному использовали его. Бюргер построил на нем свою «Ленору». Не зная народной немецкой песни, невозможно определить, в какой мере Бюргер изменил содержание и стиль ее. Свою балладу я сложил по песне, которую слышал когда-то в Литве на польском языке. Я сохранил содержание и композицию, но из всех стихов этой народной песни в памяти осталось всего несколько, которые послужили образцом стиля. (А. Мицкевич)

25

Криница – родник, колодец.

26

В XIII веке Четвертым Лютеранским собором было принято постановление о том, что священники в костелах должны на публике объявлять о предстоящем браке в соответствующий установленный срок, чтоб все, кто желает и может, могли сказать о существующем препятствии. Оглашение делалось три раза.

27

Ксендз – польский католический священник.

28

Папоротник и царь-зелье – растения, употребляемые в колдовстве для ворожбы.

29

Петел – петух.

30

Гора Мендога под Новогородком превращена в кладбище, поэтому в окрестностях Новогородка выражение «пойти на гору Мендога» означает «умереть». (А. Мицкевич)

31

В балладе обнаруживают сходство с одной из героических песен «Старшей Эдды», а именно – «Второй песнью о Хельги Убийце Хундинга» (в ней мертвый Хельги приходит на свидание со своей возлюбленной).

32

Покаемся! (лат.)

33

Коцит – (в древнегреческой мифологии) одна из рек подземного царства, в котором обитали души умерших, приток Стикса.

34

Берега Стикса, реки в подземном царстве.

баллады со схожим сюжетом. В. А. Жуковский, Эдгар Аллан По, Готфрид Август Бюргер, Мэтью Грегори Льюис

35 Ахерон – река в подземном царстве, через которую Харон перевозил в челноке прибывшие тени умерших (по другой версии он перевозил их через Стикс).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://zhukovskyvasily.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!